

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ XVI ВЕКА

В работе известного американского историка Честера Даннинга¹ было высказано предположение, что при изучении истории России XVI в. возможно использование структурно-демографической теории Дж. Голдстоуна². Эта теория опирается на исследования известной французской школы «Анналов» (в частности, на работы Ф. Броделя, Э. Леруа Ладури, Э. Лабрусса, П. Шоню³), а также ряда известных английских и немецких историков, среди которых в первую очередь, необходимо назвать В. Абеля, М. Постана и К. Хеллинера⁴.

Структурно-демографическая концепция имеет глобальный характер и предназначена для объяснения социально-экономических кризисов, происходивших в средние века и в новое время в различных странах Европы и Азии. Исходным пунктом демографического подхода является утверждение, что эти кризисы, как правило, были вызваны *перенаселением*. Рост населения приводил к нехватке пашен, которая проявлялась в крестьянском малоземелье, повышении цен, падении реальной заработной платы, частых голодных годах. Низкий уровень жизни, постоянное недоедание способствовали распространению эпидемий. С другой стороны, беднеющее население не могло платить налоги в прежних размерах, и это приводило к финансовому кризису государства. По мере сокращения доходов обострялась борьба внутри элиты за их распределение. В конечном счете, кризис выражался в системной катастрофе – голоде и эпидемиях, в междоусобной борьбе, в резком ослаблении государства, открывающем дорогу вторжениям врагов. Катастрофа приводила к значительному сокращению численности населения, после чего начинался новый экологический цикл. Изобилие свободных пашен, недостаток рабочей силы после катастрофы были причиной повышения уровня жизни крестьян и быстрого роста населения. Через некоторое время потери восполнялись, и тогда начинался новый кризис перенаселения⁵.

Даннинг полагает, что демографический подход может использоваться и при объяснении общих тенденций истории России XVI в. В подтверждение своей точки зрения американский историк указывает на такие типичные, с точки зрения демографического подхода, проявления назревающего кризиса, как рост населения, сопровождавшийся повышением цен и обострением социальных конфликтов во второй половине столетия⁶. Однако Даннинг предложил лишь краткий анализ общих тенденций на протяжении всего XVI в., утверждая, что рост населения и цен продолжался вплоть до кризиса времен Смуты. В этой статье я попытаюсь несколько расширить и конкретизировать аргументацию Даннинга и более подробно проследить динамику основных переменных, которыми оперирует структурно-демографическая теория. Я не предполагаю, что мои выводы относительно возможности применения этой теории к изучению истории России являются окончательными, и лишь постараюсь очертить контуры возможной дискуссии, когда может быть более подробно рассмотрен этот вопрос.

Ключевой переменной структурно-демографической теории является численность населения. Его рост в мирных условиях свидетельствует о наличии продовольственных ресурсов, замедление и прекращение – об ухудшении продовольственной ситуации. Статистические данные, позволяющие проиллюстрировать рост населения в России XVI в., относятся в основном к северо-западу страны. Известно, что в Шелонской и Бежецкой пятинах новгородчины численность населения увеличилась

* Нефедов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

за полвека на 20–40%, соответственно возросла и площадь пашни. Для центра, в отличие от новгородчины, нет объемных статистических материалов; имеются лишь отдельные примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостках или имениях в 1,5, в 2 и 3 раза. Нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась выть – 5 десятин в поле, однако в середине века чаще встречаются наделы в 2¹/₂, 3, 4 десятины. Об увеличении населения говорит также быстрый рост городов – их общее число увеличилось за полвека с 96 до 160. Эти и другие имеющиеся данные позволили А.И. Копаневу утверждать, что за первую половину XVI в. население в целом увеличилось в 1,5 раза и достигло 9–10 млн⁷.

В соответствии с демографической теорией рост населения должен был привести к исчерпанию ресурсов свободных земель, нехватке продовольствия, что в свою очередь влечет замедление роста населения. «Если в начале XVI века на периферии старых владений еще есть резерв годных к освоению земель, – отмечает Л.И. Ивина, – то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как например, во владениях Троице-Сергиева монастыря близ Углича... Плотность поселений внутри владений возрастает... Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села»⁸. В отдельных районах имеются явные свидетельства нехватки земли и перенаселения. Отмечается это в Белозерском крае; здесь на двор приходилось лишь по 6 десятин и, по расчетам специалистов, зерна не хватало до следующего урожая⁹. Тяжелое положение сложилось в некоторых пятинах новгородчины: по расчетам петербургских историков, в первой половине XVI в. зерновое производство на поместных землях Водской и Деревской пятин не обеспечивало минимального уровня потребления в 15 пудов хлеба* на человека¹⁰. Следствием постоянного недоедания была стагнация численности населения. Так, известно, что во второй половине XV в. население Водской и Деревской пятин значительно возросло, но затем оно стало сокращаться. С 1500 по 1540 г. население уменьшилось в Водской пятине на 17%, а в Деревской – на 13%. Недостаток хлеба заставлял крестьян заниматься торговлей и промыслами – или уходить в более хлебные районы. Низкий уровень потребления способствовал увеличению смертности от эпидемий. При Василии III летописи по крайней мере 4 раза отмечают в этом районе мор, в то время как в центре страны эпидемии не упоминаются¹¹. Мы видим, что рост населения достиг той точки, которая характеризуется исчерпанием природных ресурсов, в результате чего население стало сокращаться. Конечно, это перенаселение было относительным – численность населения достигла максимума, обусловленного уровнем развития сельского хозяйства и уровнем повинностей, т.е. социально-экономическими характеристиками конкретного общества. То обстоятельство, что стагнация началась именно на северо-западе, по-видимому, в немалой степени объясняется скудными почвами этого региона и высоким уровнем ренты, сохранившимся здесь со времен независимой Новгородской республики¹².

Ситуацию на северо-западе можно трактовать как экологическое равновесие, когда увеличение смертности от недоедания и эпидемий компенсирует естественную рождаемость. Экологическое равновесие обычно не бывает устойчивым, случайные колебания внешних факторов, большой неурожай, резкий рост налогов или эпидемия могут привести к катастрофе, подобной произошедшей в Европе в середине XIV в. В те времена связь между недоеданием и «черной смертью» была чем-то очевидным; такого же мнения придерживаются и многие современные исследователи¹³.

Другой важной переменной, акцентируемой структурно-демографической концепцией, является рост цен. По новгородским источникам, в 1470–1500 гг. стоимость ржи увеличилась с 7 до 10 денег за четверть, но затем рост приостановился до середины 1520-х гг. Впоследствии цены на нее снова стали расти, в 1532 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре рожь продавали по 23 деньги, во время неурожая 1543–1544 гг. цены

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле ржи, поэтому цена пуда «хлеба» составляла ⁹/₁₀ от цены пуда ржи.

на новгородчине поднялись до 30–40 денег. В середине XVI в. в Россию после долгого перерыва вновь пришел голод; в 1548–1549 гг. он охватил северные районы страны. Голоду сопутствовали эпидемии; в 1552 г. разразилась страшная эпидемия в Новгороде и Пскове; в Пскове погибло 30 тыс. человек. В 1556/57 г. снова начался голод, свирепствовавший в Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение. В конце 1550-х гг. на Двине пустовало до 40% пашни¹⁴.

Однако, уточняя построения Ч. Даннинга, нужно отметить, что реальным мерилom избытка или недостатка ресурсов в экономической истории являются не собственно цены, а реальная заработная плата, исчисленная в килограммах зерна. В. Абель в своем фундаментальном исследовании привел десятки графиков, дающих сравнительный анализ динамики реальной заработной платы в различных странах на протяжении XVI–XVIII вв. На этих графиках сопутствующее росту населения падение реальной заработной платы свидетельствует о нехватке ресурсов и перенаселении¹⁵. Приложимо ли общеэкономическое понятие реальной заработной платы в условиях России XVI в.? Я полагаю, что приложимо, коль скоро в те времена существовали свободные работники на вольном найме. Около 1520 г. обычная дневная оплата неквалифицированного работника в Москве составляла полторы деньги в день, а четверть ржи стоила 10 денег, на дневную плату рабочий мог купить около 11 кг хлеба. По европейским меркам, это весьма высокий уровень оплаты, свидетельствующий об относительном изобилии продовольственных ресурсов. В 1568 г. работник на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег, на дневную зарплату можно было купить 3,6 кг зерна. Так реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует об увеличении населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3,6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденщиков брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX в. оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты в 3–4 кг характерен для времен кризиса и голода, во времена «кризиса XVII в.» в Европе оплата составляла 4–5 кг¹⁶.

Правда, я располагаю, лишь единичными данными о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для различных работ наемных работников, «казачков» или «детенышей», иногда на короткие сроки, но чаще на год; эти работники получали от монастыря продукты и денежное содержание, «оброк». Большинство «детенышей» были взрослыми людьми, они заключали устный договор с монахами и, получая оброк авансом, представляли поручителей, которые отвечали за их добросовестный труд своим имуществом. «Детеныши» были вольные уйти из монастыря, но при этом должны были вернуть оброк¹⁷. В 1550-х г. оброк «детенышей» в Иосифо-Волоколамском монастыре составлял 80 денег в год, что в переводе на хлеб эквивалентно 1,2 кг хлеба в день¹⁸. Впоследствии столь низкий уровень оплаты был лишь 1 раз, во время голода 1588–1589 гг.¹⁹, однако тогда этот голодный уровень держался лишь 1 год, а в 1550-х гг. это была обычная плата. Следовательно уровень жизни этой категории населения в 1550-х гг. был примерно таким же, как в голодные годы, что свидетельствует об ухудшении продовольственной ситуации по сравнению с началом столетия.

Полагаю, что первые симптомы надвигающегося социально-экономического кризиса появились задолго до Ливонской войны и ее причины. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Обширные пространства Московии производили обманчивое впечатление – в действительности суровый климат и бедные почвы приводили к тому, что многие районы не могли прокормить свое население. Север и новгородчина издавна относились к бедным областям; здесь часто бывали неурожаи, сюда привозили хлеб из центральных районов. В то же время существовали относительно благополучные области; в Замосковном крае положение оставалось довольно благоприятным, и здесь до 1560 г. продолжался рост населения. Однако в 1560–1561 гг.

голод пришел и в Замосковье, цена ржи в центральных районах поднялась до 50–60 денег за четверть. Характерно, что причиной голода старцы Иосифо-Волоколамского монастыря считали недостаток угодий и рост государевых повинностей²⁰.

В 1558 г. началась Ливонская война. Она была тяжелой: события обернулись так, что России пришлось сражаться одновременно с ливонцами, Швецией, Литвой и с Крымом. С началом войны налоги увеличились примерно с 1.7 до 2.8 пудов хлеба на душу населения, однако оказалось, что этого недостаточно. Необходимо было вводить новые военные налоги, и в 1566 г. царь созвал собор, чтобы решить самый важный вопрос, нужно ли продолжать войну? Собор практически единодушно высказался за продолжение войны и за увеличение налогов²¹. Это было роковое решение, приведшее к катастрофе.

Таблица 1

Динамика государственных повинностей в Бежецкой пятине
(в пуд. хлеба на душу населения)²²

1525–1535	1536–1545	1552–1556	1561–1562	1568–1569	1582–1584
0.3	0.3	1.7	2.8	3.6	1.0

Таблица 2*

Процесс запустения Деревской пятины
(в % к общему числу обож по переписи 1500 г.)²³

Причины запустения	1551–60	1561	1562	1563	1564	1565	1566	1567	1568	1569	1570	1571	1572
Голод	1.8	2.3	3.3	3.3	3.8	4.4	5.4	7.4	9.5	12.9	18.1	19.1	19.6
Мор	2.0	2.2	2.4	2.6	2.9	3.0	3.6	4.6	5.1	6.2	10.1	10.9	11.1
Подати	5.1	6.7	8.3	9.9	11.5	12.6	16.3	20.7	26.1	33.3	39.8	41.0	41.6
“Дорога”	1.0	1.1	1.3	1.4	1.6	2.0	2.8	3.6	4.9	7.0	9.1	9.4	9.7
Опричнина	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.2	1.9	4.4	6.3	7.9	11.2	11.2	11.2

* При “обыске” в 1573 г. писцы указывали причины запустения обож, ухода или гибели хозяев: голод, мор, бегство от податей, от насилия войск, двигавшихся в Ливонию по проходившим по пятине дорогам. Часть обож запустела от вывоза крестьян в поместья опричников.

После собора 1566 г. налоги были еще раз увеличены, теперь они составляли около 3.5 пудов на душу населения, в 2 раза больше, чем в начале 1550-х гг. Здесь необходимо вернуться к ситуации, сложившейся к середине XVI в. на новгородчине. Мы видели, что в некоторых пятинах потребление крестьян было ниже минимума в 15 пудов на душу населения, что крестьяне часто голодали и население пятин уменьшалось. При отсутствии запасов любой большой неурожай мог вызвать голод, а требование повышенных налогов было равносильно неурожаю. Откуда крестьяне могли взять лишние 3–4 пуда на душу, чтобы заплатить увеличившиеся налоги? Изъятие необходимого для пропитания зерна должно было привести к катастрофическому голоду и к вспышке эпидемий. Материалы «Аграрной истории Северо-Запада России» показывают нарастание голода и эпидемий в Деревской пятине с 1560 г. (табл. 2).

Общее впечатление от этой картины – постоянные бедствия, голод и мор. Увеличение податей вызвало повальное бегство, и судьба бежавших остается неизвестной – многие, вероятно, погибли от голода на дорогах. Голод и мор, разразившиеся по всей России в 1568–1571 гг., были подготовлены протекавшими ранее процессами. В Деревской пятине произошло лишь усиление свирепствовавших здесь все 1560-е гг. голода и мора.

В конце 1560-х гг. тревожные сообщения приходят и из других районов. Увеличение налогов должно было привести к сокращению крестьянских запасов, что в случае неурожая было чревато голодом. Большой неурожай случался на Руси в среднем каждые 6–7 лет²⁴, так что катастрофа была неизбежна, дело было только во времени. В 1567/68 г. летописи отмечают неурожай и голод в центральных областях: «Глад был на Руси велик, купили в Москве четверть ржи в полтора рубля»²⁵. Обычная цена ржи была 30–40 денег; стало быть, цены возросли в 8–10 раз! Следующий год снова был неурожайным: «Была межевина велика добре, на Москве, и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля по шьтдесят алтын и людей много умерло с голоду»²⁶. В 1569 г. в вотчинах старицкого Успенского монастыря пустовала треть деревень, в имениях Иосифо-Волоколамского монастыря в Рузском уезде не обрабатывалась пятая часть пашни, в имениях Троице-Сергиева монастыря – седьмая часть. В 1570 г. вслед за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивляемости организма²⁷. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни», – писала Е.И. Колычева²⁸. «Великий голод» продолжался и во время эпидемии. «Был тогда великий голод, – свидетельствует Г. Штаден, – из-за кусочка хлеба человек убивал человека...»²⁹ «Даже матери ели своих детей, трупы выкапывали из могил и съедали», – писали Таубе и Крузе³⁰. Весной 1571 г. монахи Троице-Сергиевой обители жаловались, что в монастырских вотчинах «крестьяне от глада и от поветрия вымерли», «крестьян... у них во всей троецкой вотчине не осталось ни тридцатого жеребья»³¹.

В условиях жестоких войн ослабление одного из противников сразу же влечет военную катастрофу. Перебежчики поспешили донести крымскому хану о трагедии Руси. «На Москве и во всех городах по два года была межевина великая и мор великой», – говорил татарам галицкий сын боярский Сумароков³². Хан Девлет-Гирей решил воспользоваться ситуацией, собрал огромное войско и пошел на Москву. В мае 1571 г. крымцы окружили в Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному опустошению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы³³.

Каковы были масштабы катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятине треть беж была заброшена из-за голода и мора, т.е. хозяева погибли; остальные бежали от царевых податей и правей. В Водской пятине запустели $\frac{3}{5}$ всех беж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятины от мора и голода погибло 40% населения. Для центральных областей статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении в расположенных в различных уездах вотчинах Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Суздальском – 60, в Муромском – 36, в Юрьев-Польском уезде – 18%. Масштабы запустения были велики, часть крестьян погибла, часть переселилась в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е гг. были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения³⁴.

В рамках демографической теории анализ экономических процессов, следующих за катастрофой, был дан в статье М. Постана, включенной впоследствии в его классическую монографию «Очерки средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»³⁵. Анализируя последствия «черной смерти» XIV в., Постан подчеркивал следующие основные моменты. Убыль населения приводит к тому, что на смену прежней нехватке земли приходит ее избыток, появляется нехватка рабочей си-

лы. Первым следствием недостатка рабочей силы является резкое возрастание реальной заработной платы (платы, исчисленной в зерне). Вторым – понижение ценности земли, т.е. уменьшение земельной ренты, оброков и барщины. Эти выводы Постана сделаны на основе анализа положения в различных странах Западной Европы; они приводятся в современных учебниках экономики как пример действия общего закона труда и заработной платы³⁶.

По расчетам Постана, после Великой чумы реальная заработная плата возросла в 1.7 раза³⁷. Такой же, даже более резкий рост мы видим в 1570-х гг. в России: в 1576 г. работники на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть ржи стоила 23 деньги³⁸, дневная плата составляла 9.3 кг хлеба, она возросла в 2.5 раза.

Резкий рост оплаты монастырских работников в 1570-х гг. отмечался многими исследователями; причем Б.Д. Греков еще в 1920-х гг. предположил, что оплата выросла вследствие нехватки рабочей силы³⁹. Данные об оброках «детенышей» Иосифо-Волоколамского монастыря свидетельствуют, что реальная (и номинальная) заработная плата после катастрофы 1570–1571 гг. возросла примерно в 2.5 раза⁴⁰. Оплата квалифицированных работников, например плотников, портных, возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях. В Новгородском Софийском доме оплата дворовых работников увеличилась в 1547–1577 гг. с 60 до 120 денег; в Кирилло-Белозерском монастыре оброк дворовых слуг возрос в 1568–1581 гг. с 42 до 126 денег, а портных – с 90 до 200 денег⁴¹. М. Постан особо отмечает, что после Великой чумы оплата чернорабочих увеличилась в большей степени, чем оплата квалифицированных рабочих⁴², это явление мы отмечаем и в России.

По Постану, вторым признаком резкого сокращения численности населения является значительное уменьшение земельной ренты. В Англии нехватка рабочей силы привела к тому, что крестьяне и батраки стали передвигаться по стране в поисках лучших условий. Они отказывались занимать освободившиеся после чумы обремененные барщиной тяглые «вилланские» наделы, землевладельцы были вынуждены сдавать эти земли в аренду по пониженным расценкам, и арендная плата упала на 20–30%⁴³. Мы наблюдаем аналогичный процесс и в России, здесь происходит резкое сокращение величины тяглого надела и распространение аренды по пониженным оброчным ставкам. В первой половине XVI в. размеры тяглого надела крестьянина приближались к 1 выти, а аренды за оброк практически не существовало. Теперь же крестьяне отказываются брать полные тяглые наделы, они сокращаются до $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{6}$ выти; появилось множество безнаделных крестьян, «бобылей». Остальную необходимую им землю крестьяне арендовали у своего или у соседнего землевладельца; с этой не платили казенные налоги, а плата, полагавшаяся землевладельцу, была намного ниже, чем на тяглых землях⁴⁴. Имеющиеся в литературе сведения о размерах оброков и налогов приведены в таблице 3.

В этой таблице не учтена арендная плата за вненаделные земли. Обычно на дворовых землях она составляла 12 денег за 3 десятины в 3 полях⁴⁶. Крестьянский двор вряд ли арендовал больше 6 десятин, тогда плата за аренду составляла максимально 24 деньги на двор. При цене четверти ржи в 40 денег и четверти овса в 20 денег это эквивалентно 2.7 пудам хлеба на двор или 0.5 пуда на душу. На монастырских землях аренда обходилась немного дороже⁴⁷, но в целом, аренда за оброк была чрезвычайно выгодна для крестьянина, и, по некоторым оценкам, арендуемая пашня значительно превышала тяглую. Мало того, во многих случаях крестьяне распахивали заброшенные земли и вообще ничего не платили. При обыске, проведенном в Бежецкой пятине в 1586 г., выяснилось, что безоброчных пашен было в 1,3 раза больше, чем тяглых⁴⁸.

Арендная плата была лишь небольшой добавкой к платежам за тяглую землю, и можно считать, что данные таблицы 2 в целом достаточно адекватно показывают общую динамику ренты. Из этих данных следует, что сразу после катастрофы 1570–1571 гг. оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (с 10–12 пудов до 3–4 пудов на душу), на дворовых землях – примерно в 2 раза. Это падение произошло за счет уменьшения тяглого надела (роста числа дворов на выть). В то же время размеры государст-

Данные об оброках и налогах в 1540–1601 гг. (в пуд. хлеба)⁴⁵

Годы	Район	Число дворов	Земли	Дворов на выть	Цена ржи	Оброк		Налог		Всего	
						со двора	с души	со двора	с души	со двора	с души
1 1540	Деревская пятина		поместные	1.9	15	39	7.9	6.6	1.3	45.6	9.2
2 1540	Водская пятина		поместные	1.3	15	66	12.5	6.2	1.2	72.2	13.7
3 1540	Шелонская пятина,		поместные	1.2	15	68	11	9.2	1.6	77.2	12.8
4 1554/55	Старорусский у. Владимирский у., с. Борисовское и др.	191	дворцовые	2.4	40	34.0	6.8*				
5 1564	Белозерский у., с. Ярогомж и др.	42	дворцовые	1.4	24	28.0	5.6				
6 1567	Костромской у., с. Цибино и др.	26	дворцовые	2	24	28.7	5.8				
7 1568	Водская пятина, Новгородский у.		поместные	1.1	28	36.0	6.9	20.0	4.0	56.0	10.9
8 1576	Шелонская пятина, Михайловский погост	55	поместные	2.5	24	12.0	2.3	20.1	4.0	31.8	6.3
9 1576	Шелонская пятина, Порховский у.	297	поместные	2.5	24	9.3	1.9	20.1	4.0	29.5	5.9
10 1570-е	Тверской у., с. Марьино и др.	122	дворцовые	9	24	9.3	1.9				
11 1577/78	Нижегородский у.	613	дворцовые	3.7		16.0	3.3				
12 с 1580-х	Подворное обложение в сев.-вост. районах Водская пятина	172	дворцовые	3.5	30–60	7.3–14.6	1.5–2.9				
13 1582–1584	Водская пятина	172	дворцовые	3.5	62	10.7	2.1	15.5	2.9	26.3	5.0
14 1584	Шелонская пятина, Порховский у.		дворцовые	4	60	16	3.1	5.5	1.1	24.7	4.8
15 1584	Владимирский у., с. Красное и др.	135	дворцовые	3.4	52	15.3	3.1	2.5	0.5	17.9	3.6
16 1585	Себежский у., Никольская губа	23	дворцовые	2.5	60	31.3	6.2				
17 1586	Муромский у., с. Пурок и др.	693	дворцовые	1.8		44.7	8.9				
18 1588/89	Каширский у.	2030	дворцовые			14.0	2.8				
19 1589	Вологодский у., с. Юг и др.	657	дворцовые	3.9	71	10.0	2.1	1.7	0.3	11.9	2.4
20 1590 – 1594	Вотчины Троице-Сергиева монастыря		монастырские		30	6–12	1.2–2.4				
21 1594	Деревская пятина, Сыгинский и Листовский погосты	66	монастырские	4	60	11.3	1.7				
22 1596/97	Рязанский у., с. Федотьево и др.	152	дворцовые	4	30	9.3	1.8	1.5	0.3	10.5	2.1
23 1598	Вологодский у.		монастырские			14.0	2.8				
24 1598 – 1599	Поместье Степана Рахманова	13	поместные	6.5	58	20.7	4.2				
25 1601	Бежецкий у., с. Алабузино	21	монастырские	4.5	32	12.7	2.5				
26 1601	Бежецкий у., с. Михайловы горы	37	монастырские	7	32	10.0	2.1				

* В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда она принимается за 5 человек, и соответствующая цифра выделяется курсивом.

венных налогов оставались большими, и это было одной из причин, заставлявших помещиков соглашаться на уменьшение тяглых надделов. В 1580–1590-х гг. уменьшение тяглых надделов привело к дальнейшему сокращению оброков, причем в этот период снижаются и налоги. Правда, имеются два исключения. В Муромском уезде (с. Пурок и др.) оброки сохранились на высоком уровне, но Е.И. Колычева объясняет это обстоятельство необычайным плодородием этого района. В другом случае (Себежский у.) в ренту были, по-видимому, включены государственные налоги. Кроме того, малый объем выборки (23 двора) не исключает наличия каких-либо местных особенностей⁴⁹.

Мы можем проверить гипотезу об уменьшении оброка после 1572 г. по статистическому критерию Уилкоксона. Показатели оброка со двора объединим в две группы: первая группа с табличными номерами 1–7 (оброки до 1572 г.) и вторая – с номерами 8–26 (оброки после 1572 г.). Эти группы можно рассматривать как случайные выборки (случайность объясняется тем, что я привел все встречающиеся в литературе цифры, не производя специального отбора). После этого, подсчитав число инверсий (7), получим значение критерия Уилкоксона (59.5), намного превосходящее критическое (44.5). Это означает, что две рассматриваемые группы с вероятностью 99% имеют разные законы распределения, т.е. после 1572 г. оброки понизились⁵⁰.

Уменьшение оброков для оброчных крестьян шло параллельно с уменьшением барщины в барщинных хозяйствах. Известно, что в первой половине XVI в. норма барщины составляла 1 десятину с выти в одном поле; в подавляющем большинстве известных случаев эта норма сохранялась вплоть до 1590-х гг. Но количество дворов на выть за это время возросло в 2–3 раза, т.е. объем барщины в расчете на двор значительно уменьшился⁵¹.

Итак, нормы оброка и барщины снизились, свободной земли было более чем достаточно, можно было выбирать лучшие участки. Напрашивается вывод о том, что крестьяне стали жить намного лучше, однако у нас нет массовых данных, которые бы позволили реконструировать бюджет крестьянского хозяйства. Крестьяне скрывали свою безоброчную пашню и указывали в качестве тяглых надделов мизерные участки, поэтому размеры средней запашки известны лишь в редких случаях. В Прибужском погосте Старорусского уезда в 1580-х гг. на крестьянский двор приходилось 3 десятины тяглой, 5 десятин арендной земли и, вероятно, кое-что обрабатывалось безоброчно. В Бежецкой пятине известно много случаев, когда крестьяне безоброчно распахивали очень большие дворовые надель⁵². Естественно предположить, что в сложившихся благоприятных условиях крестьяне пахали столько, сколько считали нужным – и во всяком случае, не меньше, чем раньше. Г. Штаден свидетельствует, что в то время среди крестьян были богатые люди; известно, что некоторые сельчане делали большие вклады в монастыри⁵³. О высоком уровне жизни крестьян говорят и высокие оброки монастырских «детенышей».

В период, последовавший за катастрофой 1570-х гг., уровень эксплуатации крестьян не увеличился (как утверждают некоторые историки), а напротив, значительно снизился – в полном соответствии с экономической теорией.

Уменьшились не только подати, уплачиваемые землевладельцам, сокращение тяглых надделов привело к снижению крестьянских платежей в казну. Реальный размер податей с одного двора сократился в 3–4 раза. В Новгородском уезде Шелонской пятины в 1573–1588 гг. реальные платежи крестьянского двора уменьшились в 5 раз! Казна опустела; сборы с новгородских земель к 1576 г. уменьшились вдвое, а к 1583 г. в 12 раз⁵⁴!

Суммируя сказанное, можно признать, что имеются некоторые аргументы в пользу того, что экономическое развитие России в 1500–1580-х гг. соотносится с общими представлениями структурно-демографической теории. В соответствии с ними, в первой половине XVI в. произошёл рост населения, который привел к нехватке свободных земель и к относительному перенаселению в отдельных районах. Перенаселение особенно сказывалось в некоторых пятинах новгородчины, где недостаток земли усугублялся высоким уровнем оброков, которые крестьяне платили своим помещикам. Эти пятины

были очагами хронического недоедания и эпидемий, и население там сокращалось уже в первой половине XVI в. Продовольственное положение здесь было неустойчивым, и любой неурожай или новый налог могли привести к катастрофическому голоду. Налоги, введенные во время Ливонской войны, особенно тяжело ударили по депрессивным районам и почти сразу же привели к голоду и эпидемиям. Принятое в 1566 г. решение о дальнейшем увеличении налогов стало роковым; рост податей вызвал истощение хлебных запасов не только в депрессивных, но и в более благополучных областях. В этих условиях два неурожая породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался кризисом, чтобы нанести Москве сокрушительный удар – к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная. Численность крестьянского населения намного уменьшилась; в соответствии с общими экономическими законами это должно было привести – и привело – к значительному снижению оброков и барщины. Следовательно, согласно структурно-демографической теории, период после 1572 г. можно рассматривать как начало нового экологического цикла.

Я не считаю, что эта схема применения структурно-демографической теории к реальности России является вполне обоснованной, это лишь один из гипотетических вариантов, вокруг которого может вестись дискуссия. Возможно, в ходе этой дискуссии будут приведены аргументы критического характера. Тем не менее, очевидно, что обсуждение применимости этой концепции к российской действительности может быть полезным в плане лучшего понимания природы и динамики внутренних социально-экономических процессов.

Примечания

¹ Dunning Ch. The Precoditions of Modern Russia's First Civil War // *Russian History*. 1998. Vol. 25. № 1–2. P. 119–131.

² Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the East Modern World*. Berkeley, 1991.

³ Braudel F., Spooner F. Price in Europe from 1450 to 1750 // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. IV. Cambridge, 1967. P. 368–486; Ladurie, Le Roy E. *Les paysans de Languedoc*. T. 1–2. Paris, 1966; Chaunu P. *La civilisation de l'Europe classique*. Paris, 1966.

⁴ Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935; idem. *Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siècle)*. Paris, 1973; Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3; idem. *Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy*. Cambridge, 1973; Heliener K. *The Population of Europe from the Black Death to the Eve of the Vital Revolution* // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. IV. Cambridge, 1967. P. 1–95.

⁵ Goldstone J.A. *Op. cit.* P. 24–27, 393.

⁶ Dunning Ch. *Op. cit.* P. 127.

⁷ *Аграрная история Северо-Запада России XVI века* (далее – АИСЗР Т. II). Л., 1974. С. 267, 290; Тихомиров М.Н. *Россия в XVI столетии*. М., 1962. С. 104; Зимин А.А. *Реформы Ивана Грозного*. М., 1960. С. 86; Копанев А.И. *Население Русского государства в XVI в.* // *Исторические записки*. 1959. Т. 64. С. 237–244; Колычева Е.И. *Аграрный строй России XVI века*. М., 1987. С. 64.

⁸ Ивина Л.И. *Внутреннее освоение земель в России в XVI в.* Л., 1985. С. 233.

⁹ Прокофьева Л.С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // *Крестьянство и классовая борьба в феодальной России*. Л., 1967. С. 102.

¹⁰ *Аграрная история Северо-Запада России XVI века*. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 (далее – АИСЗР. Т. III). С. 178. Табл. 60. Авторы этой работы подвергались критике за то, что брали в своих расчетах слишком большую урожайность: сам-4 для ржи и сам-3 для овса (см.: Горская Н.А., Милов Л.В. *Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России* // *История СССР*. 1982, № 2. С. 73–74). Тем не менее даже при столь высокой урожайности крестьянские хозяйства имели дефицит хлеба.

¹¹ АИСЗР. Т. II. С. 32, 33, 42, 53, 67, 287, 290; Соловьев С.М. *Сочинения*. Кн. 3. М., 1989. С. 312.

¹² АИСЗР. Т. II. С. 173, 373.

¹³ Klapisch-Zuber C. *Plague and family life* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VII. Cambridge, 2000. P. 130; *История крестьянства в Европе*. Т. II. М., 1986. С. 292.

¹⁴ Маньков А.Г. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века*. М.; Л., 1951. С. 104; Колычева Е.И. *Указ. соч.* С. 172–174.

¹⁵ A bel W. Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siecle).

¹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 121; АИСЗР. Т. II. С. 23; Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века. Т. I. Вып. 2. СПб., 1910. С. ОХСII–ОХСVI; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106; A bel W. Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siecle). P. 189.

¹⁷ Тихомиров М.Н. Российское государство XVI–XVII веков. М., 1973. С. 142–143.

¹⁸ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. М.; Л., 1948. С. 31–37; Расходная книга Костромского Ипатьевского монастыря около 1553 г. упоминает оброки «детенышей» в 66–72 деньги. См.: Сборник Археологического института. 1898. С. 129. Цена четверти ржи в 1557 г. составляла 40 денег (Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106). Юфть хлеба стоила 60 денег, и на годовой оброк можно купить 1.3 юфти. В книгах денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря встречаются упоминания о том, что работники получали натурой на год 2 четверти ржи и 2 четверти овса (т.е. 2 юфти). Всего с оброком получается 3.3 юфти. Юфть весила 6.7 пуда, 3.3 юфти – 22.1 пуда. Из расчета 300 рабочих дней в году получается 1.2 кг хлеба в день.

¹⁹ Книга денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573–1595 гг. Вып. 2. М.; Л., 1978. С. 190–204; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106.

²⁰ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 114; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 176.

²¹ Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 410, 412, 437.

²² Для построения таблицы использованы данные Г.В. Абрамовича: АИСЗР. Т. II. С. 23–27, табл. 5, 8, 9; с. 185, табл. 151; с. 194, табл. 157.

²³ АИСЗР. Т. II. Табл. 36.

²⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века (далее – АИСЗР. Т. I). Л., 1971. С. 37.

²⁵ Цит. по: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 162.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 162.

²⁷ Klapisch-Zuber С. Op. cit. P. 130; Slicher van Bath В.Н. The Agrarian History of Western Europe F.D. 500–1850. L., 1963. P. 88.

²⁸ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 178.

²⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 92.

³⁰ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 55.

³¹ Цит. по: Каштанов С.М. Указ. соч. С. 115.

³² Цит. по: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. С. 163.

³³ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 182.

³⁴ АИСЗР. Т. II. С. 65, 169, 191; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 180–186; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 396.

³⁵ Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages; idem. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy.

³⁶ Idem. Same economic evidence... P. 225, 236; Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. СПб., 1999. С. 404.

³⁷ Postan M. Same economic evidence... P. 233. Table 3.

³⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилукского монастыря 1574–1600 гг. М.; Л., 1979. С. 301–304; АИСЗР. Т. II. С. 21.

³⁹ Петров В.А. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI века // Вопрос экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 169; Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря // Исторические записки. 1948. Т. 18. С. 99; Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 159–160; Греков Б.Д. Черки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома // Летопись занятий Археологической комиссии за 1923–25 годы. Вып. 33. Л., 1926. С. 268, 270.

⁴⁰ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. С. 31–37; Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573–1595 гг. Вып. 2. С. 190–204.

⁴¹ Там же; Никольский Р. Указ. соч. С. ОХС–ОС.

⁴² Postan M. Same economic evidence... P. 236.

⁴³ Idem. Op. cit. P. 236–237; История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. С. 329.

⁴⁴ Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма. Л., 1985. С. 147–153; Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 71–73.

⁴⁵ Я пересчитал в пуды хлеба на двор и на душу населения данные об оброках, приведенные в АИСЗР. Т. II. С. 74–75, 104–106, 127, 142, 154, 180, 182; Т. III. С. 177–178; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 64–65; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. С. 245; Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974. С. 157, 162; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 261; Данные о налогах; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 164–165; АИСЗР. Т. II. С. 27. Данные о ценах; АИСЗР. Т. II. С. 21; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 104. В Каширском уезде оброк брался пшеницей; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 66.

⁴⁶ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 70.

⁴⁷ В Иосифо-Волоколамском монастыре в 1588 г. брали 20 денег с десятины. См.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 318.

⁴⁸ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 80; АИСЗР. Т. II. С. 133, 218, 238–239.

⁴⁹ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 49.

⁵⁰ Бронштейн И.Н., Семендяев К.А. Справочник по математике для инженеров и учащихся втузов. М., 1981. С. 607–608.

⁵¹ История крестьянства СССР... С. 257; Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 159; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 89–91.

⁵² Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 228; АИСЗР. Т. II. С. 239; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 109.

⁵³ Штаден Г. Указ. соч. С. 122; Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970. С. 44.

⁵⁴ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 80, 81; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986. С. 168.

© 2003 г. А.Т. ТЕРТЫШНЫЙ, А.В. ТРОФИМОВ*

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

В последнее десятилетие в отечественной исторической науке наблюдался быстрый процесс смены методологических пристрастий и ориентиров. От острой дискуссии сторонников формационного и цивилизационного подходов ученые приходят к признанию методологического плюрализма, пониманию относительной ценности любой теории. Эта ситуация, несомненно, стала стимулом для консолидации усилий исследователей, в том числе и региональных, в поиске объединяющей научное сообщество парадигмы. Свидетельством этого является издание «Уральского исторического вестника», задуманного с целью содействия объединению историков Урала, ускорению обмена информацией, перестройке и совершенствованию исторического образования. Подход, направленный на интеграцию историков региона, нашел отражение в составе редколлегии «Вестника», в которую вошли как научные сотрудники РАН, так и вузовские преподаватели.

Каждый выпуск «Вестника» открывается разделом «Статьи и сообщения», где публикуются теоретико-методологические и конкретно-исторические исследования. При отборе материала большое внимание, естественно, уделяется уральской истории. Однако редколлегия, не замыкаясь на региональную проблематику, представляет и работы, в которых проблемы истории региона рассматриваются в контексте российской и всеобщей истории. Раздел «Публикации» призван обеспечить введение в научный оборот неопубликованных источников. Проблемные лекции, учебно-методические

* Тertyшный Анатолий Тихонович, доктор исторических наук, первый проректор Уральского государственного экономического университета.

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Уральского государственного экономического университета.

** Уральский исторический вестник. Вып. 1–7. Екатеринбург: УрО РАН; Академкнига, 1994–2001.